

на, заимствованные из тюркских языков, и имена, вошедшие из русского источника. Проводится этимологический анализ 426 личных марийских имен. Нельзя не согласиться с мнением Ф. И. Гордеева относительно татарского происхождения мордовских имен *Кудай*, *Кудас*, *Кудаш* (с. 83). Н. Ф. Мокшин эти имена этимологически связывает с мордовским апеллятивом *куд*, *кудо* 'дом' (Литературная Мордовия, Саранск 1961, № 25, с. 111—114).

Не все статьи в «Вопросах марийской ономастики» написаны на одинаковом научном уровне, о многом в них можно поспорить — в марийской ономастике достаточно нерешенных проблем. В целом же перед нами издание, представляющее большой интерес не только для лингвистов, но и историков, этнографов, литераторов и др.

О. Е. ПОЛЯКОВ (Саранск)

<https://doi.org/10.3176/lu.1982.1.14>

М. Э. Калласмаа, Структура эстонской микротопонимии (на материале западного диалекта). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Таллин 1980

27 апреля 1981 года перед Специализированным советом Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук защитила кандидатскую диссертацию младший научный сотрудник Института языка и литературы АН ЭССР Марья Калласмаа по теме «Структура эстонской микротопонимии (на материале западного диалекта)». Научный руководитель — доктор филологических наук В. Палль, оппонентами выступили доктор филологических наук профессор П. Алвре и кандидат географических наук доцент Л. Тийк.

Топонимы представляют собой часть общественного творчества. Они создаются людьми в конкретном времени и пространстве и отражают в большей или меньшей мере современную им обстановку. Однако со временем изменяется географическая среда, обновляется население путем смены поколений и иммиграции, забываются исторические факты и меняется их толкование, развиваются местный язык и его лексика. Большинство топонимов находилось в употреблении на протяжении многих столетий, за это время факторы возникновения названий утратили свое значение и началось приспособление топонима к повседневной речи, т. е. упрощение и сокращение, причем определенную роль играет и народная этимология! В результате этого исторического процесса большая часть топонимов приобрела такой вид, что выяснение исходной формы и значения стало уже невозможным, если только в документах не наличествуют про-

межуточные или еще поддающиеся расшифровке формы названия. А ведь многие топонимы могут содержать информацию о прошлом, привлекательную наряду с языковедами и для представителей других наук. Центральный вопрос при этом — этимологизация топонимов, однако подчас она может привести к ошибочным решениям, если отсутствует полный обзор ранних форм названий или по крайней мере тех общих закономерностей, которые облегчают реставрацию этих форм и вместе с тем их смысловую расшифровку. Один из существенных этапов на этом трудоемком пути — выявление и анализ структуры топонимов.

В опубликованной несколько лет назад работе В. Палля «Топонимы северной части Тартумаа» (I — 1969, II — 1977) наряду с ойконимами большое внимание уделяется названиям природных объектов и сельскохозяйственных угодий. Рецензируемая работа М. Калласмаа целиком посвящена микротопонимам и даже еще уже — структуре микротопонимов. Конечно, следует отметить, что время от времени исследователи обращали внимание на основные черты структуры эстонских микротопонимов, но в данном случае мы имеем дело с исследованием, в котором впервые все внимание направлено на анализ системы структуры и компонентов.

Картотека эстонских топонимов в Институте языка и литературы АН ЭССР за последние десятилетия очень выросла и

несмотря на пробелы уже по ряду регионов дает исследователю основной материал, так что контрольный опрос на местах остается необходимым, но больших неожиданностей он уже не несет. Конечно, этого нельзя сказать о территории республики в целом, поскольку сеть корреспондентов не везде одинаково плотна, а организация экспедиций имеет свои ограничения. Работа автора данного исследования на местах внесла заметный вклад в имеющуюся коллекцию и полностью оправдала себя. Причина здесь в том, что большая часть микротопонимов и обозначенные ими объекты были примечательны только для жителей одного или нескольких близлежащих сел и в современных условиях уже предаются забвению.

Среди эстонских микротопонимов доминируют названия, представляющие собой сложные слова, которые обычно состоят из двух, реже из трех или даже четырех компонентов. Их упрощение с целью приспособления к речи шло в направлении укорочения. С одной стороны, первый компонент может даже отпасть, с другой стороны, может сохраниться только какая-либо суффиксальная часть конечного компонента. Например, если конечным компонентом были *-küla*, *-valla*, *-jala*, *-välja* или *-selja*, последним рудиментом каждого из них мог оказаться только суффикс *-la*. В отношении других суффиксов возможностей для варьирования, правда, меньше, но восстановление исходного вида невозможно до тех пор, пока нет достаточных оснований для предпочтения той или иной формы. Кроме того, в топонимах — сложных словах встречаются синкопы, в результате которых могут сохраниться только первый слог первого компонента и последний конечного компонента, так что этимологизация топонима станет почти невозможной, пока не удастся восстановление исходной формы названия с помощью исторических документов. И, наконец, встречаются некоторые иные изменения гласных. Так, трудно предугадать, что современное *Kassari* в XVI в. было *Kaskesaar* и основой названий поселений *Penderna* и *Viiterna* были названия крестьянских дворов *Pen-di + Jürna* и *Viita + Jürna*. В аналогичных случаях выявление отдельных компо-

нентов топонимов без предварительной работы может быть почти безрезультатным.

Исследование микротопонимов затрудняет и то обстоятельство, что компонентом многовековых топонимов могут быть и редко встречающиеся диалектные слова и такие, что местным разговорным языком полностью утрачены. Так, автору пришлось рассмотреть все встретившиеся в работе слова-компоненты и проанализировать их положение и функции в составе топонимов — сложных слов. Среди них выступает даже целый ряд в наши дни в диалекте не отмеченных и не отраженных в очень богатой картотеке диалектных слов Института языка и литературы.

Исследование эстонских микротопонимов только начинается и поэтому следует особо оценить научное значение рецензируемой работы для выяснения структурной системы топонимов. Жаль, однако, что ограниченный объем работы позволил лишь в самой малой мере коснуться этимологических моментов и не дал возможности остановиться на топонимах, значение которых никак не отвечает современной обстановке. А таких в работе довольно много. Если, например, конечным компонентом топонима выступает *-abajas* 'завод', но в наше время он обозначает покос или выгон, или *-nasu* 'кочка' встречается в названии полуострова, то это говорит о поднимании земли или об отступлении моря, но в то же время свидетельствует о том, что топоним возник по крайней мере несколько столетий тому назад.

Выяснение структуры топонимов и их этимологизация, конечно, ляжет на плечи языковедов. Когда же они завершат свою работу, то тем самым будут созданы предпосылки для успешной деятельности представителей других наук. Такая системная работа языковедов даст богатый материал всем ученым, исследующим местное население, его экономическую деятельность или развитие природной среды. Работа М. Калласмаа актуальна для многих областей науки и призвана стать одним из краеугольных камней дальнейших комплексных исследований при участии представителей многих наук.

ЛЕО ТИИК (Тарту)